

Читать Маркса

Читая Маркса, мы наблюдаем, как обретают форму и силу три голоса [1]. Каждый из них незаменим, они изолированы и в то же время созвучны, хоть и друг другу противостоят. Разнородность соединяет их, и она же определяет то множество требований, которые со времён Маркса в речи и письме должен соблюдать каждый пишущий, или он рискует загубить всё.

1. Первый голос – речь прямая, но пространная. В ней Маркс предстаёт «писателем мысли». Голос этот опирается на философскую традицию, позаимствовав терминологию (что неважно) у Гегеля, и разворачивается в стихии мысли. Этот голос многословен, поскольку вся история логоса в нём обосновывается заново, однако он остаётся прямым в двух смыслах: ведь ему не только есть что сказать, но и то, что он сообщает, – является ответом, записывается в форме ответов, и ответы эти формально определяющие, они даны ультимативно так, как их даёт история, и только в момент её остановки или надлома они обретают ценность правды.

Давая ответы – «отчуждение», «примат спроса», «история как процесс материальной практики», «цельный человек» – этот голос всё же оставляет неопределёнными или неразрешёнными вопросы, на которые сам же отозвался. Читатель своего времени по-разному формулирует то, что, на его взгляд, должно оказаться на месте отсутствующего вопроса, заполняя нишу, которая, тем не менее, всё больше опустошается. Этот тип речи трактуется попеременно в качестве гуманизма, историцизма или же атеизма, антигуманизма и даже нигилизма.

2. Второй голос – речь политическая: она является краткой и прямой, более того – предельно краткой и прямой, потому что производит эффект короткого замыкания самой речи. Речь эта содержит не смысл, а вызов, призыв к насилию, решимость разрушать. Она, собственно, ни о чём не говорит и необходима лишь для своего воззвания. Голос этот возникает в связи со своим чрезмерным и нетерпеливым требованием, так как избыток является его единственной мерой: призывы к борьбе и (то, что пытаются забыть) постулат «революционного террора», вызов «непрерывной революции». Этот голос видит революцию не как временную необходимость, но как неизбежность, ведь основная черта революции – не давать отсрочек, если она способна раскрывать и пересекать время, позволяя ощутить требования непосредственно настоящего.

3. Третий голос – речь косвенная (и самая многословная), представляющая собой научный дискурс. Именно благодаря ему Маркс был признан научным сообществом. Тут Маркс прежде всего человек науки, он руководствуется этикой учёного и готов к любой критике. Это тот Маркс, который в качестве максимы выбирает для себя *de omnibus dubitandum* (сомневайся во всем) и провозглашает: «Я называю «подлым» человека, который пытается подчинить науку выгоде, ей совершенно чуждой и бесполезной». Тем не менее «Капитал» в

значительной степени произведение субверсивное. Оно субверсивно, однако не потому, что обходными путями научной объективности неизбежно ведёт к революции, а потому, что без излишней аргументации включает в себя метод научного познания, который переворачивает идею самой науки. Ни наука, ни мысль, в самом сильном смысле этих слов, не остаются прежними после произведений Маркса, тем самым наука радикально перевоплощается, согласно теории мутации, постоянно проявляющейся на практике, и в связи с той же практикой – мутации всегда теоретической.

Не будем вдаваться в дальнейшие подробности. Опыт Маркса даёт нам понять, что речь в процессе создания письма, речь непрерывного противоречия, должна постоянно развиваться, расщепляясь на множество разнородных частей. Коммунистическая речь одновременно безмолвна и жестока, она является научной и политической, прямой и окольной, цельной и фрагментированной, многословной или почти молниеносной. Марксу отнюдь не легко уживаться с этим множеством голосов, которые постоянно сталкиваются и расходятся друг с другом. Даже если они, как кажется, обретают соответствие, их все равно невозможно объединить. Неоднородность этих голосов, различие и разделяющее их расстояние, делают их анахроничными по отношению друг к другу, и между ними неизбежно создаётся определённый волнообразный эффект. Они требуют от читателя (или практика) постоянного переосмысления

Слово «наука» для Маркса становится ключевым. Примем это к сведению. Но не будем забывать, что, даже если и существуют науки во множественном числе, всё же нет науки как таковой, поскольку научность науки зависит от степени её идеологичности, которую не может сегодня свести на нет ни одна наука, даже относящаяся к гуманитарным.

С другой стороны, напомним, что ни один писатель, будь он даже марксистом, не сможет посвятить себя письму как практике исключительно научного познания, потому что литература (необходимость писать, которая принимает на себя всю мощь и формы расщеплений и трансформаций) может стать наукой лишь при условии, что она совершит то же движение, при котором в свою очередь наука становится литературой, – условию внутреннего голоса – как это всегда и случается в «безумной игре письма».

перевод: Станислав Дорошенко, Евгения Белорусец, Елена Вогман

1. Французское «la parole» переведено далее как «голос» и «речь» (речевое высказывание). Во французской философской традиции XX века основополагающим является различие между языком и речью. Согласно семиологии Фердинанда де Соссюра, в отличие от языка – общего для всех говорящих набора знаков, речь является индивидуальным актом воли и понимания. - прим. перевод.

Предисловие Елены Вогман